

Мэн Хуайи, подойдя издалека, увидел, как его сестра, не отрываясь, пристально смотрит на изящную фигуру на площадке.

— Кхе-кхе-кхе... Юэ-эр, ты чего застыла? Глаза вон как вытаращила! — Мэн Хуайи подошел к паланкину и жестом приказал слугам опустить его, намереваясь лично помочь сестре выйти. — Разве я не просил тебя как следует отдохнуть и не приходить?

— Старший брат, ты пришел! Мне во дворце стало совсем скучно, вот я и подумала — приду, посмотрю, как ты тренируешься, — с легким румянцем на щеках тихо ответила Мэн Хуайюэ. — Не волнуйся, я буду сидеть в шатре и наблюдать, участвовать не стану, — она игриво подмигнула брату.

Мэн Хуайи всегда не знал, что делать с этой сестрой, и поддразнил ее:

— Уверен, что пришла посмотреть на меня? Мне показалось, ты так заинтересовалась Сун Цинлань, что прямо глаз с нее неводишь!

Мэн Хуайюэ уклончиво ответила:

— Ничего подобного! Я пришла исключительно ради старшего брата!

Разговаривая, они подошли к Сун Цинлань.

— Приветствую наследного принца и Пятую принцессу, — Сун Цинлань слегка поклонилась. Внешне она была спокойна, как водная гладь, и ничем не выдавала себя.

На самом деле она избегала смотреть на Мэн Хуайюэ. Стоило той оказаться слишком близко, как Сун Цинлань охватывало сильное волнение: тело слегка дрожало, мочки ушей покраснели, а ладони вспотели.

Когда она выпустила ту стрелу и обернулась, то сразу увидела Мэн Хуайюэ в паланкине. Это была их первая встреча после того дня, когда они обе напились, — теперь же они были в здравом уме.

На Мэн Хуайюэ было бледно-голубое плиссированное платье, подол которого рассыпался по паланкину, словно водная рябь, а жемчужные нити на ее головном уборе слегка покачивались на ветру. Она чуть приподняла подбородок, и в ее облике читалось врожденное благородство. Сун Цинлань казалось, что эти персиковые глаза, всегда смотрящие на нее с такой нежностью, способны вскружить голову любому.

Сун Цинлань охватило раздражение. Еще вчера она твердо решила держаться от принцессы подальше, но стоило лишь взглянуть на нее сегодня, как все усилия по самоконтролю пошли прахом, и подавленные чувства вновь начали просыпаться.

Мэн Хуайюэ, чей сосредоточенный и полный глубокого чувства взгляд был прикован к Сун Цинлань, уловила ее неловкость. Она подумала, что ее А-Лань в этой жизни всё такая же застенчивая и легко краснеет. Уголки ее губ невольно поползли вверх — Сун Цинлань казалась ей сейчас до невозможности милой, так и хотелось подойти и ущипнуть ее за покрасневшую мочку уха. В прошлой жизни она любила дразнить Сун Цинлань именно так, ведь наблюдать за ее смущением было очень забавно.

Мм... как же она ей нравится. Это было одно из немногих их действий, которые можно было назвать по-настоящему близкими.

— Слышал, Пятая принцесса получила травму. Это лекарство, приготовленное лекарями моего поместья. Солдаты на границе часто ранятся, оно очень помогает, — говоря это, Сун Цинлань достала из потайного кармана рукава маленький пузырек и протянула его служанке, стоявшей рядом с Мэн Хуайюэ.

— М-м? Откуда ты узнала, что я ранена? Разве мы сегодня не впервые видимся? — Мэн Хуайюэ сдержала радость и взяла пузырек из рук Юньцю.

Значит, в этой жизни Сун Цинлань всё еще заботится о ней. Внешне она сохраняла безмятежный вид, но не сводила с Сун Цинлань глаз, боясь упустить малейшую эмоцию. За тот месяц, что прошел после ее перерождения, она постоянно размышляла и поняла: ее А-Лань с самого начала относилась к ней иначе, чем к другим. Просто она сама тогда была еще мала, наивна и не разбиралась в чувствах. Теперь же, прожив целую жизнь, она могла ощутить эту особенность.

— Я... вчера во время утреннего доклада случайно услышала, как об этом говорили другие.

Услышав слова о первой встрече, Сун Цинлань поняла, что Мэн Хуайюэ совершенно не помнит, как обнимала ее в ту пьяную ночь. А вспомнив, как та прижималась к ней, нашептывая признания в любви к другому человеку... Сун Цинлань нахмурилась, ее лицо помрачнело от досады, и она, подавив в себе порыв, решила больше ничего не говорить.

Мэн Хуайюэ хотела сказать Сун Цинлань так много, хотела любоваться ею подольше — ей было невыносимо уходить. В прошлой жизни, если бы не те обстоятельства, из-за которых пришлось заключить брак, то, учитывая сдержанный и скрытный характер Сун Цинлань, они бы, будучи женщинами, никогда не поженились. Поэтому Мэн Хуайюэ решила: в этой жизни она не станет скрывать своих чувств. Она будет открыто демонстрировать свою любовь и заставит А-Лань полюбить себя снова.

Она уже открыла рот, чтобы продолжить разговор, но ее прервал голос, донесшийся издалека:

— Старший брат, пятая сестренка, почему вы пришли так рано? — это уверенно шагал Второй принц Мэн Хуайянь.

Следом за ним шли Третий принц Мэн Хуайнин, Четвертая принцесса Мэн Хуайюнь, сын государственного советника Чжан Чэньгуан и дочь премьер-министра Шэнь Ихуань. Они встретились по дороге и решили прийти вместе.

Мэн Хуайянь и Мэн Хуайюнь были родными братом и сестрой, детьми Ян-ши. Ян-ши была деревенской девушкой, которую Мэн Цзюньцзэ привез с собой во время тайного визита в народ. Сейчас она занимала почетное положение наложницы и была невероятно любима императором. Возвысившись в один миг, они привыкли вести себя высокомерно, и даже Второй принц с Четвертой принцессой стали надменными и смотрели на всех свысока. Поэтому Мэн Хуайюэ их недолюбливала.

Матерью Третьего принца Мэн Хуайнина была госпожа Гу — принцесса, присланная в качестве невесты из вассального государства Шу. Она скончалась, когда Мэн Хуайнин был еще ребенком, поэтому при дворе его не жаловали, он редко покидал свои покои, был молчалив и нелюдим. Если бы император не издал указ о том, что все принцы должны явиться на тренировку, вряд ли кто-то вообще вспомнил бы об этом нелюбимом и всеми забытом принце.

Что касается Чжан Чэньгуана, сына государственного советника, то он вовсе не хотел сюда приходить. Если бы отец не заставил его, приказав почаще держаться рядом с кузиной-принцессой, он бы предпочел целыми днями пропадать в Павильоне Яньюй в компании красавиц и вина, а не жариться на солнце. Чжан Чэньгуан шел и ворчал про себя.

А дочь премьер-министра Шэнь Ихуань была компаньонкой Мэн Хуайюэ с самого детства. Они были очень близки, их можно было назвать закадычными подругами. Желая чаще видаться с Мэн Хуайюэ, она упростила отца позволить ей прийти на занятия, хотя по ней было совсем не скажешь, что она способна удержать лук или взобраться на коня. Она выглядела такой хрупкой, словно могла упасть от дуновения ветра, и каждое ее движение было исполнено изящества.

Шэнь Ихуань подошла к Мэн Хуайюэ и участливо спросила:

— А-Юэ, мы так давно не виделись, я скучала. Как твоя рана? Тебе стало лучше? — она привычно взяла Мэн Хуайюэ под руку и прижалась к ней.

— Ничего серьезного, просто нужно еще немного отдохнуть, не переживай, — успокоила ее Мэн Хуайюэ.

Она знала, что Шэнь Ихуань — одна из немногих, кто действительно искренне о ней заботится, и очень дорожила их дружбой. В прошлой жизни Шэнь Ихуань была ранена, спасая ее, и едва не погибла.

Они сели в сторонке и завели тихую беседу, Мэн Хуайюэ слегка прислонилась к плечу подруги, и они весело смеялись. Обе девушки были невероятно красивы, но красота их была совершенно разной. Мэн Хуайюэ обладала живой, очаровательной красотой, вызывающей желание оберегать ее — она напоминала изящную фарфоровую куколку, смеющуюся так невинно. Шэнь

Ихуань же была подобна утонченной орхидее: в ней чувствовалась грация и сдержанность благородной девицы.

Картина была прекрасна, но ее испортил бестактный человек, внезапно вмешавшийся в разговор:

— Кузина, я принес тебе лучшее лекарство. Мне стоило огромных трудов раздобыть его у прославленного лекаря.

Откровенно сальный взгляд Чжан Чэньгуана, устремленный на Мэн Хуайюэ, вызвал у нее приступ отвращения — ее буквально затошнило.

— Благодарю, кузен, но не стоит, у меня уже есть свое, — Мэн Хуайюэ крепче сжала пузырек в ладони. Она не хотела с ним разговаривать, она ненавидела этого человека до глубины души.

Чжан Чэньгуан хотел было что-то добавить, но, увидев, что Мэн Хуайюэ игнорирует его, да еще и смотрит с нескрываемым отвращением, подумал про себя: «Что ты из себя строишь? Вот женюсь на тебе, заберу к себе в поместье — тогда посмотрим, как ты у меня запоешь!»

Сун Цинлань, увидев, как Мэн Хуайюэ тесно прижимается к Шэнь Ихуань, перешептываясь и смеясь, почувствовала, как внутри разливается горечь. Она тоже хотела бы вот так смеяться с ней, но была тем человеком, которому это меньше всего доступно. А когда она увидела, как этот пошляк приближается к Мэн Хуайюэ, ее сердце наполнилось таким гневом, что ей хотелось подойти и выбросить его из поля зрения принцессы.

Хотя время еще позволяло, Сун Цинлань поспешила приказать Ши Анью собрать всех.

— Всем собратся! — громко крикнул Ши Ань.

Люди неспешно окружили ее.

— Сегодня мы тренируем стрельбу из лука. Мне нужно оценить навыки каждого, — голос Сун Цинлань был холодным, тон — строгим и профессиональным. — Каждому по луку и три стрелы. Дистанции: тридцать, пятьдесят и сто шагов.

В армии она именно так тренировала и распределяла новобранцев: тех, кто стрелял плохо на близком расстоянии, определяла в одну группу, кто был точен на дальних — в другую, применяя индивидуальный подход.

— Ши Ань, начинай, — Сун Цинлань жестом подозвала его.

— Слушаюсь, госпожа!

<http://bllate.org/book/21492/2200597>